

**УБИЙСТВО  
ПО НАЗНАЧЕНИЮ  
ВРАЧА**



СЮЗАННА ПАОЛА АНТОНЕТТА

# УБИЙСТВО ПО НАЗНАЧЕНИЮ ВРАЧА

КАК ЛУЧШИЕ НАМЕРЕНИЯ  
ПСИХИАТРИИ ОБЕРНУЛИСЬ  
НАЦИСТСКОЙ ПРОГРАММОЙ  
УНИЧТОЖЕНИЯ: ОТ «МОРАЛЬНОГО  
ЛЕЧЕНИЯ» ПИНЕЛЯ  
К ГАЗОВЫМ КАМЕРАМ  
ЗОННЕНШТАЙНА

 **БОМБОРА**  
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

УДК 94"1939/45":61  
ББК 63.3(0)622  
П16

The Devil's Castle: Nazi Eugenics, Euthanasia,  
and How Psychiatry's Troubled History Reverberates Today

Copyright © 2025 by Susanne Paola Antonetta

Translation rights arranged by Jill Grinberg Literary Management,  
LLC and The Van Lear Agency LLC. All rights reserved.

**Паола Антонетта, Сюзанна.**

П16 Убийство по назначению врача. Как лучшие намерения психиатрии обернулись нацистской программой уничтожения: от «морального лечения» Пинеля к газовым камерам Зонненштайна / Сюзанна Паола Антонетта ; [перевод с английского А. Ю. Красильниковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 512 с. — (Темные архивы. Книги о жутких экспериментах и практиках над людьми).

ISBN 978-5-04-228854-8

В книге «Убийство по назначению врача» писатель и исследователь Сюзанна Паола Антонетта показывает, как евгеника XIX – XX веков, нацистские программы уничтожения и работа Эмиля Крепелина сформировали сегодняшние представления о психических расстройствах. Автор сочетает исторические материалы, анализ научных концепций и собственный опыт психоза, чтобы разобраться, почему общество и медицина до сих пор опасаются нейроразнообразия.

Она рассказывает о судьбах Пауля Шребера и Доротеи Бук — двух людей, чьи переживания и критика биологической психиатрии помогли переосмыслить подходы к ментальному здоровью.

Эта книга показывает, что понимание разума невозможно без понимания его истории — и без уважения к разнообразию человеческого опыта.

УДК 94"1939/45":61  
ББК 63.3(0)622

© Красильникова А.Ю., перевод  
на русский язык, 2025  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-228854-8

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог. Великое чудо и великая странность . . .	9
Глава 1. Естественное самоочищение нашего народа. Эмиль Крепелин и его наследие . . . . .	36
Глава 2. Нормальные и больные. От Филиппа Пинеля до Эрнста Пиница . . . . .	64
Глава 3. Субъективность совершенства. Эвтаназия в мире . . . . .	98
Глава 4. Сделать мир более человечным. Доротея Бук . . . . .	124
Глава 5. Лирическое время. С Бук и Шребером . . . . .	158
Глава 6. Если бы все человеческое не обратилось в прах. Нацистская эвтаназия . . .	183
Глава 7. Кабинет нерешенного прошлого. «Т-4» и не только . . . . .	213
Глава 8. Целую! Целую тебя! История Фридриха Меннеке . . . . .	245

Глава 9. Неведомые пути, начертанные иероглифами. В лечебнице Зонненштайн . . .	253
Глава 10. Предприятие по созданию мирового правительства. Нюрнберг и последующие процессы . . . . .	267
Глава 11. Оскудевшая философия бытия . . .	285
Глава 12. Господь здесь бессилен. Судебные процессы по эвтаназии . . . . .	308
Глава 13. Как же мы их узнаем? DSM-III и эксперименты Розенхана . . . . .	334
Глава 14. О том, как оставаться вменяемым в местах невменяемых. Хронология событий . . . . .	369
Глава 15. Особенный безумец . . . . .	400
Глава 16. Обыкновенный безумец . . . . .	428
Глава 17. Свидетельские показания . . . . .	453
Благодарности . . . . .	474
Список литературы . . . . .	481
Об авторе . . . . .	507

*Посвящается Паулю Шреберу  
и Доротее Бук — моим светочам  
Брюсу и Джин — моим спутникам  
на этом непростом пути*



## ПРОЛОГ

# ВЕЛИКОЕ ЧУДО И ВЕЛИКАЯ СТРАННОСТЬ

*Безумие — это социально неловкое выражение тяги к бесконечности в мире, который определяет себя как конечный.*

Вутер Кустерс, «Философия безумия»

В 2019 году меня охватила тяга к бесконечности, и ощущение было мучительным. К тому времени я уже начала писать эту книгу, занимаясь в основном историей евгеники. Но затем, после долгих лет без столь тяжелых приступов, полностью обезумела и на несколько месяцев невольно превратилась в предмет своего же исследования. Не могла больше работать. Ушла в отпуск. Даже утратила способность сесть за компьютер в аудитории: экран пульсировал странной и тревожной картиной (на самом деле просто видом на кампус с высоты птичьего полета) с двумя белыми полосами — обычно я видела в них поля для логина и пароля, но теперь они стали

белыми щелями, ведущими в никуда, словно почтовые ящики в пустоту.

Я оказалась в изоляции, в которой редко оказываются жители небольших городов с работой, друзьями и коллегами. Все, кто был рядом, решили, что мое состояние — повод держаться подальше. Позже они признались, что думали, будто мне будет стыдно, если меня увидят в *таком* состоянии, когда я *не была собой*. Вела себя экстравагантно, выходя за все рамки — и приличий, и собственной личности. С позиции медицины и общества я утратила право на полноценное существование. Мысли стали проявлением больного органа — мозга — и поэтому были бессмысленны и подлежали исправлению, словно пропущенные удары нерегулярного биения сердца. Проблема была в том, что все эти рассуждения уже ничего для меня не значили.

В 2019 году история, которую рассказываю в этой книге, стала для меня полностью реальной. И я осознала, насколько реальна она для миллионов людей, которые находятся в собственной версии подобного изолятора.

Соединенные Штаты переживают беспрецедентные масштабы психических заболеваний, которые росли одновременно с беспрецедентным числом граждан, находящихся на психиатрическом лечении и медикаментозной терапии. Рост начался задолго до пандемии. Нейроотличные пациенты по-прежнему умирают, а ведь уже не должны, в наши-то дни точно. Те, кому в США поставлен

диагноз «серьезного» психического расстройства, живут на 20-30 лет меньше, чем те, кто не имеет подобного диагноза. Частично продолжительность жизни сокращается из-за медикаментов, которые используются в терапии подобных пациентов.

**Каждый четвертый заключенный в США  
нуждается в психиатрической помощи.**

В каждом пятом случае применения огнестрельного оружия полицией участвует человек в состоянии острого психоза, большинство которых в других обстоятельствах не несли бы никакой угрозы.

**Американская больничная система ухода  
за разумом настолько плоха, что за разоблачениями не поспеваешь.**

Отчеты, опубликованные за последние несколько лет газетой *The Seattle Times*, описывают больницы, которые залечивают и удерживают пациентов. Вымогают деньги у страховых компаний, игнорируют звонки от их родных и подвергают подопечных насилию со стороны других пациентов. Член моей семьи находился в одной из таких больниц, и мне тошно вспоминать об этом. Я же лично не только

столкнулась с уничижительным залечиванием, но и наблюдала, как с госпитализированными подростками обращались словно с сексуальной добычей.

«Замок Дьявола» начался с нацистской резни инвалидов и нейродивергентов. Подзаголовок «Нацистская евгеника, эвтаназия, и как тревожная история психиатрии отзывается сегодня» расширилась вместе с книгой. Я так спешила исследовать эту историю эвтаназии, будто сама могла стать ее жертвой или будто бы пострадать от нее мог кто-то из моих близких. Сотни тысяч несчастных умерли внутри и вне Рейха, многие попали в программу эвтаназии под названием Aktion T4, или Программа «Т-4». Именно в ее рамках газовые камеры были встроены в психиатрические лечебницы.

**Эвтаназия берет свое начало в евгеническом движении XIX века, в стремлении вырвать «порченые» наследственные линии из общества.**

Евгеника процветала в Соединенных Штатах до и после Второй мировой войны. И старые подходы живы до сих пор. Программы эвтаназии и стерилизации — это не просто страшные воспоминания прошлого. Их ужасные последствия преследуют нас по сей день. Евгеника процветала и продолжает процветать в английском языке, когда мы описыва-

ем некоторых людей как паразитов, как «порченную кровь». Эти идеи находят воплощение в редуccionистских теориях человеческих душ и умов. Прежде чем Германия запустила программу стерилизации, в этой области лидировали Соединенные Штаты: до и после войны десятки тысяч людей были подвергнуты стерилизации. Обе страны использовали ее как инструмент уничтожения тех, кого считали нейроротличными. Но Германия была первой.

Немецкий психиатр по имени Эмиль Крепелин, евгеник и антисемит, жил и работал в конце XIX и начале XX века. Крепелин не знал меня, но предположу, что имел бы весьма определенное мнение на мой счет. Он не счел бы меня (ни тогда, ни сегодня) способной испытывать человеческие чувства — например, горевать о потере работы или влюбляться. Представление о том, что мысли и чувства могут быть не проявлением души, а лишь бессмысленными капризами больного органа, пришло к нам именно от Крепелина. Он верил, что евреи от природы предрасположены к психическим заболеваниям, и именно этому учил нацистских врачей — одних из самых жестоких.

Крепелина до сих пор называют отцом современной психиатрии, и это звание настолько прочно за ним закрепилось, что даже поисковые системы начинают описание его биографии именно с этих слов. Крепелин перевернул довоенную психиатрию, создав теории о том, что психические различия — это всего лишь следствие сбоев в работе

мозга. Именно Крепелин разработал системы психиатрической классификации. Для американской и международной психиатрии сегодня он остается главной фигурой, особенно после «неокрепелинианской революции» в США конца XX века. Хотя его подход строился даже не рядом с евгеническим фундаментом, а прямо на нем, система классификации была призвана не просто присваивать ярлыки, но в конечном итоге давать ценность — и надежду.

Эта книга рассказывает о безумии и о важнейшей работе по переосмыслению разума. Речь идет о безумии, как его определяли евгеника и нацистская Германия, а затем послевоенная американская психиатрия, — как о сбоях в биологических процессах мозга. Невозможно понять евгенику, не изучив послевоенный период и ее сегодняшнее возрождение в языке. Даже после того как нацистские газовые камеры остались в прошлом, американские врачи проводили лоботомию и применяли электрошок. Они выписывали огромные дозы токсичных препаратов, которые продвигали при финансовой поддержке фармацевтических компаний. Психиатры использовали операции на мозге для «коррекции» женского гнева и гнева чернокожих протестующих. По крайней мере один врач применял мозговые имплантаты для лечения гомосексуализма. Его исследование было опубликовано в ведущем медицинском журнале в 1972 году.

Два удивительных человека из тех, кого считали «порченными», являют собой противовес евге-

нической истории: надежду, радость, новый путь ментального здоровья. Это Пауль Шребер и Доротея Бук. Обоим поставили диагноз шизофрении. Мне тоже диагностировали и шизофрению, и биполярное расстройство. Моя психиатрическая история тесно переплетена с их судьбами и отражена в этой книге. Можно сказать, это история троих безумцев.

Врач, который диагностировал шизофрению, будучи верным последователем крепелиновского подхода, объявил меня безнадежной. Позже я узнала, что в случае с биполярным расстройством надежда все же была. Хотя в моем разуме и жизни ничего не изменилось: дело было лишь в формулировке.

Шребер был принудительно и пожизненно госпитализирован в конце XIX века и судился за собственное освобождение, доказывая ценность своих видений. Бук была стерилизована по нацистскому закону о предотвращении наследственных заболеваний и пережила множественные госпитализации. Она дожила до ста двух лет, став страстным критиком исторических несправедливостей и защитником новой, гуманной психиатрии. Оба стали жертвами небрежной, часто бессмысленной и разрушительной терапии. Оба посвятили свои жизни размышлениям о психических различиях и тому, как их оценивать, чтобы создать системы поддержки для нуждающихся. Для Шребера переосмысление безумия было юридической необходимостью. Для Бук это стало потребностью психологической и духовной.